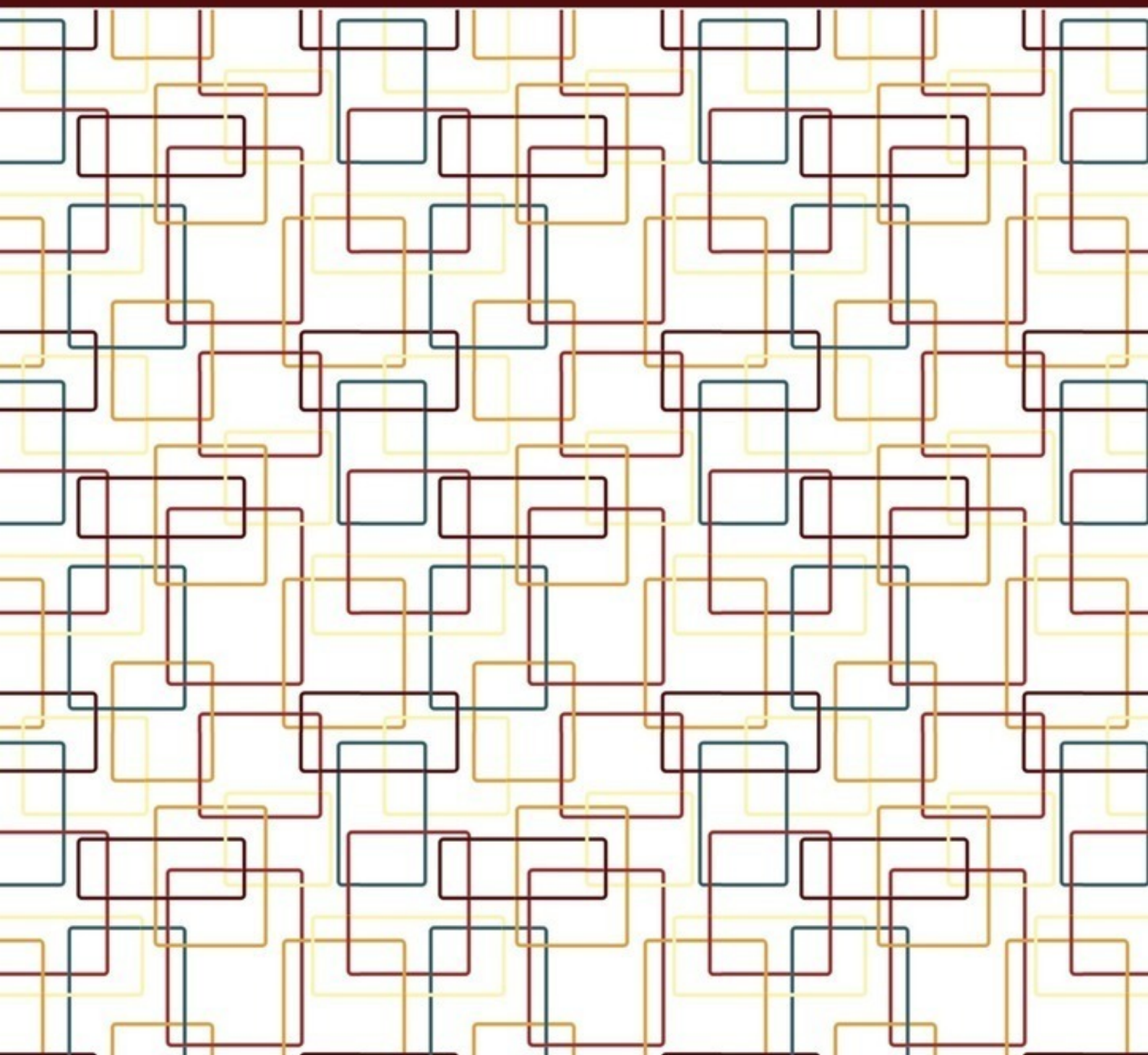

Яценко Евгения

Дети

Евгения Яценко

Дети

«Издательские решения»

Яценко Е. Г.

Дети / Е. Г. Яценко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855602-9

Пойман преступник Антон Черкасов, совершающий ужасные деяния с детьми. Престижный адвокат берётся за защиту Антона и пытается понять, что заставило молодого парня совершить эти преступления. Для этого адвокат выслушивает историю жизни подзащитного. Адвокат слышит о трудном детстве Антона.

ISBN 978-5-44-855602-9

© Яценко Е. Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
1	7
2	9
3	12
4	14
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дети

Евгения Геннадьевна Яценко

© Евгения Геннадьевна Яценко, 2017

ISBN 978-5-4485-5602-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Этот ужасный, противный и пронизывающий все тело скрип не смазанных качелей... Как я его не выношу! Иногда, даже не находясь рядом с детской площадкой, по ночам, я слышу этот звук. Даже не слышу, а чувствую. Он пронизывает меня, словно режет, как ржавая пила, моё тело. Однако приходится терпеть этот звук, там же дети...

В общем-то, я не испытаю к детям положительных эмоций, я скорее их ненавижу. Дети – самые жестокие, злые, неугомонные и избалованные существа на свете, которым чуждо чувство справедливости. Всю жестокость детей я прочувствовал на своём жизненном опыте, а также из многочисленных наблюдений за ними. Могу привести много примеров, доказывающих, что детям присущи все те качества, которые я обозначил выше. Однажды я зашел в один из дворов города справить нужду. Двор был шумный, заполненный смеющимися детьми. Поняв, что задуманное совершить мне не удастся, я уже начал выходить из двора в поисках другого менее людного, как обратил внимание, что так веселит этих малых дьяволов. Несколько мальчишек лет семи издевались над умственно отсталым парнем лет пятнадцати. Не могу сказать точно, что за болезнь или синдром у него был, и какая хромосомная мутация послужила этой отсталости в развитии его умственных способностей. Мальчишек очень забавлял процесс издёвок над отсталым пареньком, они с большим энтузиазмом давали ему пинки, дразнили его, всё это сопровождалось их задорным смехом. Злым смехом... А парень не мог понять и осознать, что ребята попросту издеваются над ним, заставляя глупо падать от их пинков. Парень явно был знаком с изуверами и, чёрт возьми, уверен, что ему должно быть также весело, как и окружающим его мальчишкам, поэтому смеялся вместе с ними, обнажая свои зубы и вертя головой так, чтобы увидеть радость во всех их лицах. Радость, которую он им приносил... Счастливые лица детей заставляли парня смеяться ещё громче. Его смех был каким-то жутким. Этот смех вызвал во мне чувство жалости к парню и собственной ущербности... Мне словно стало стыдно за то, что отклонения от нормы, которые я вынужден всю жизнь скрывать от людей, никак не связаны с моим умственным развитием. Подобного явно не испытывали мальчишки, получавшие удовлетворение от издёвок над больным парнем. Я никак не мог разделить их радость, понимая, что парень не виновен в том, что родился таким. А то, что парень не осознавал, что его выставляют на посмешище, делало происходящее ещё более отвратительным. Ненависти к моральным уродам, проделавших это, начала поглощать меня с непреодолимой силой. Мне хотелось разорвать этих выродков на куски их нежного мяса! А потом с чувством удовлетворения испачканными в их испускающей резкий запах крови руками прижать отсталого, ничего не понимающего парня к груди. Подавив в себе это нарастающее желание, я, словно ненормальный, хотя, если объективно рассуждать, таковым и являюсь, выбежал из двора, забыв о причинах, приведших меня туда.

И это далеко не один пример жестокости существ, которыми так умиляются, и которых так любят люди, породившие их на свет. Подобные примеры дают мне право и силы испытывать ненависть к детям.

Да, что говорить? Я ведь сам на своей шкуре ощутил издевки окружающих меня детей, сначала дворовых «приятелей» и соседей, а потом и детей из школы и детского дома.

Глава 1

1

Как только она вошла в дом, зазвонил мобильный телефон, предназначенный для звонков по работе. У неё было два мобильных, один для родственников и немногочисленных приятелей, а второй для клиентов и коллег. Цифры второго номера знали многие, так как её личность была достаточно известной и котирировалась на поприще юриспруденции.

– Слушаю, – коротко ответила она на звонок.

– Ирина Олеговна, здравствуйте...

Голос в трубке замолчал в ожидании чего-то. Владелец голоса думал, что она сама начнёт разговор, желая узнать, кто из преступников или их близких решил воспользоваться её услугами, заранее приготовив круглую сумму на оплату данных услуг, ибо она была достаточно дорогостоящим адвокатом. А дорого она стоила потому, что выигрывала даже, казалось бы, безнадежные дела, освободив от будущего заключения многих преступников, которые чаще всего таковыми не являлись, просто в определённые моменты были не в нужном для них месте не в нужное время, или оказывала помощь нуждающимся в гражданских делах. Она не дала судебному аппарату посадить за решётку многих мелких преступников, которые теперь могли законно передвигаться по городу, будучи в своих преступных действиях осторожней, ведь они понимали, что второй раз им не удастся вырваться из лап закона. Она не переживала по поводу того, что не дала возможности городу избавиться от некоторых наркочиллеров, мелких воришек или тому подобных людей, ибо её дремлющая совесть не подавала никаких знаков своего присутствия в её голове, так как слава и денежные средства, получаемые от выигранных дел, давно заглушили голос этой самой совести и заставили её надолго замолчать.

– Говорите, слушаю Вас.

Возможно владелец голоса в трубке ждал, пока адвокат поздоровается, соблюдая общепринятые приличия, однако она не имела подобной привычки, разговаривая с неизвестными ей владельцами голоса в трубке, несмотря на то, что её профессия подразумевала доброжелательное и приветливое отношение ко всем звонящим. Она знала, что владельцы неизвестного голоса целенаправленно звонят ей, чтобы получить от неё профессиональную помощь, правила приличия при предоставлении которой не так важны, как собственно предоставление этой самой помощи.

– Меня зовут Анна Матвеевна... Можно к Вам обратиться за помощью?

Привычное для неё начало разговора. Она могла биться об заклад, что ей звонит мамочка парня лет двадцати, который с друзьями избил двух ни в чём не повинных парней, мешавших им выпивать своё дешёвое пиво в беседке во дворе. У таких мамочек всегда одинаково умоляющий голос и не отличная друг от друга манера говорить.

– Статья? – коротко спросила она, даже не пытаясь вдаваться в подробности, ведь чутьё и опыт её редко подводили.

– Сто одиннадцатая, – именно буквы, а не привычные цифры, увидела она перед глазами, когда владелец голоса проговорила с мешающим комом в горле.

– Давайте встретимся и обсудим дело.

Она назвала адрес офиса и назначила время. Громким и сложным делом она сейчас не занималась, поэтому мелкая работа с проблемными детьми и излишне переживающими за них матерями ей не мешала, тем более те готовы были продать не только жилплощадь, но и душу, лишь бы их сыночек не сел за решётку, ведь тюрьма не исправит хулигана, а лишь усугубит его поведение после выхода на свободу, но даже если и исправит, то жизнь будет уже

испорчена, так как сыночек не сможет найти нормальную работу, приличную жену, с которой можно завести хорошую семью. На самом деле ей было плевать на будущее преступника, которого надо защищать, её волновали только деньги, которые ей заплатит его мамочка, не сумевшая уберечь сына от поступка, совершённого им.

После того, как положила трубку, она вышла через чёрный выход своего особняка во двор, куда предварительно загнала свой Форд. В багажнике уже лежал её ужин...

2

– Да, – Артём ответил коротко на звонок жены.

Их отношения уже давно перестали быть нежными и чувственными. Может быть, от того, что они очень долго вместе, их поглотил быт, а, может, потому, что чувства, которые их переполняли до и некоторое время после свадьбы, давно прошли, а осталось лишь чувство ответственности перед друг другом как перед супругами, имеющими общих детей. Старшего звали Никита, а младшую Ксения. Никита был замкнутым, проблемным подростком 14-ти лет, который закрывался в комнате на ключ, чтобы под музыку играть в видеоигры, что не вызывало восторга ни у родителей, ни у учителей, ведь видеоигры занимали всё отведенное для выполнения домашнего задания время. Родители не могли повлиять на ребёнка, как бы ни пытались это делать. Ксения училась в первом классе, росла весёлым, любознательным и задорным ребёнком. Это пока. Кто знает, что с ней сделают гормоны, начав играть в назначенное природой человеческого организма время?

– Ксюша до сих пор не вернулась из школы, – проговорила сквозь слёзы жена.

Артём машинально посмотрел на время, часы на стене офиса показывали 16:45. Около 14:00 дочь уже должна была быть дома. Школа находилась рядом с домом, поэтому, как только их дочь выучила дорогу в школу и обратно домой, родители перестали отводить её на учёбу и забирать обратно. Путь не был опасным, нужно было всего лишь пройти по прямой дороге пару кварталов, на двух перекрёстках были установлены светофоры, а правила дорожного движения Ксюша знала и без посторонней помощи могла безопасно пройти через дорогу днём. По этим улицам лихачей не было, как правило, поэтому можно было без опаски отпускать ребёнка в школу, не сопровождая его. Многие родители, живущие в этом районе, желающие вырастить самостоятельных детей, отпускали своих детей в данную школу одних.

– Юль, не переживай, думаю, Ксюша просто где-то на районе с одноклассниками катается на качелях. Тепло, пятница, – начал успокаивать жену муж.

Такое уже бывало... Только Ксюша всегда звонила родителям со своего мобильного, который для таких целей и был родителями подарен ей к первому сентября.

– У неё телефон не доступен, я звонила ей раз 50! – практически прокричала жена.

– Юля, милая, – возможно, из-за критичности ситуации Артём впервые за несколько месяцев назвал жену милой, – всё будет хорошо, позвони в школу, уточни, когда Ксюша ушла оттуда, а я еду домой. Жди меня дома, сама на поиски не иди.

Артём действительно начал переживать. Телефон у Юли был с хорошей батареей, державшейся несколько суток, старая Нокиа, которую они с Ксюшей подзарядили накануне, а соответственно сестра она – батарейка, не могла.

– Тем более батарейка могла сестра, а телефоны наши Ксюша наизусть не знает, поэтому не может позвонить от подруг, – пытался успокоить жену Артём.

– Может... – вроде успокоилась Юля, – жду тебя.

Юля уже ждала в дверях мужа, когда тот приехал с работы домой. На работе проблем с преждевременным уходом Артёма из офиса не возникало, ибо причина было достаточно уважительной для того, чтобы покинуть рабочее место на час раньше.

– В школе сказали, что Ксюша ушла сразу после последнего урока, – начала тараторить жена, – телефон у неё по-прежнему выключен. В полиции сказали, чтобы я не беспокоилась и позвонила через трое суток!

– Ты звонила в полицию?

– Конечно! Артём, в соседнем доме тоже неделю назад пропал ребёнок – 8-ти летний мальчик, его до сих пор не нашли!

Да, Артём, конечно, помнил об этом, но, как и большинство людей, не предполагал, что что-то подобное может произойти и с его семьёй, поэтому до этого момента не связывал эти два события, даже когда передумывал все варианты причин столь длительного отсутствия его дочери по дороге домой. Мчался Артём на максимально возможной в городских условиях скорости, объезжая пробки по переулкам и дворам, и уже через 15 минут после звонка жены был дома.

– Юля, не думаю, что пропажа соседского ребёнка связана с пропажей нашей Ксюши...

– Не думаешь?! В ближайших больницах и поликлиниках её нет! В моргах тоже! На скорой никто не увозил ни одной подходящей под описание девочки! Что мне ещё думать?!

– Юля, милая, давай успокоимся и пойдём, поищем нашу Ксюшу, – Артём нежно взял Юлю за плечи и заглянул в глаза, – милая, мы найдём её, верь мне, – Артём вложил в свой взгляд всю убедительность, на которую был способен.

Юля начала успокаиваться, возможно, уверенность Артёма этому поспособствовала.

– Где Никита? Он поможет нам искать Ксюшу?

– Никита ушёл гулять.

Помимо видеоигр время Никиты занимало общение с сомнительными друзьями в сомнительных местах. Никита частенько возвращался в одежде, пропитанной запахом сигаретного дыма, и изредка с запахом алкоголя изо рта. По словам Никиты, курили окружающие, а он, конечно, нет, а выпивал он максимум кружку пива, и то не пол-литровую, а обычную кружку для чая у очередного друга в гостях. Родители были не настолько стары, чтобы верить тому, что пытался выдать за правду их сын, и не настолько глупы, чтобы показывать ему своё недоверие, ибо таким образом можно в разы увеличить образовавшуюся пропасть между ними. Так он хотя бы часть правды говорит.

– Не надо никого искать, – слышался голос Никиты в дверях квартиры, которые Артём так и не закрыл, когда пришёл домой, – Ксюша здесь уже.

Из-за спины своего непутёвого брата выглянула Ксюша с виноватой улыбкой на лице.

– Доченька! – воскликнула мама и кинулась обнимать своё чадо, ощупывая его на предмет телесных повреждений.

Юля обнимала Ксюшу, потом отстранялась, выпуская её плеч из рук, вглядывалась в лицо, потом опять обнимала.

Артём повернулся и вопрошающе посмотрел на Никиту. Поняв, что от него требуют объяснений, Никита заговорил своим ломающимся голосом, которого, конечно же, как и все мальчишки его возраста, стеснялся, видимо, поэтому Никита и был молчаливым подростком.

– Мы гуляли по району с ребятами, как увидели Ксюшу с её одноклассницами. Я почему-то решил спросить у неё, знают ли предки, где она.

– Да, – подтвердила Ксюша.

Артём машинально перевёл взгляд на неё, а Юля по-прежнему продолжала свою проверку тела дочери, при этом внимательно слушая сына.

– Я сказала Нику, что у меня телефон сел, – виновато сказала Ксюша. На её глаза начали наворачиваться слёзы, кажется, девочка начала понимать, что натворила, не предупредив родителей о намерении погулять с подружками.

– Заткнись, дай, я договорю! – в обычной манере разговора с младшей сестрёнкой крикнул на Ксюшу Никита, на что родители непривычно для подростка не среагировали, им сейчас было не до воспитания сына, – она сказала, что у неё труба села. Ну, я и привёл её домой, вот. Вы же как бы волнуетесь дома, все дела.

– Молодец, сын, – похлопал по плечу своего отпрыска Артём, – ты правильно сделал. Мы места уже себе не находили.

Юля уже во всю начала рыдать обнимаю вернувшуюся домой невредимой дочурку. Артём опустил свои руки жене на плечи и нежно отстранил ту от дочери. Юля, повинувшись рукам своего

супруга, отстранилась от дитя и встала, а потом зачем-то обняла Никиту. В минуты возможной потери одного любимого человека мы начинаем с большей силой любить других окружающих любимых людей. Отсюда и нежность Артёма, и покорность Юли.

Артём присел к дочери и тихо спросил, почему та не зашла домой не предупредила родителей о севшем телефоне, и как у неё мог сесть батарея телефона, если они её накануне заряжали.

– Не знаю, пап. Дядя сказал, что телефон сел.

– Какой дядя?! – одновременно и с идентичной тревогой в голосе спросили родители.

– Мы играли с девочками в песочнице... ну, тут рядом... когда к нам подошёл очень высокий и худой дядя, – Юля замолчала, будто боялась выдать некую тайну.

– И? – снова одновременно спросили родители, только теперь к ним присоединился Никита.

– Он попросил позвонить, я дала ему свой телефон, а он начал звонить, а потом вернул телефон и сказал, что он сел.

– А что ещё говорил дядя?

– Ничего. Сказал – «спасибо», и ушёл. Мам, я никогда не видела таких высоких дядей, – подняла свои большие, невинные глаза дочь на мать.

Юля с тревогой посмотрела на Артёма, тот в свою очередь повернулся на Юлю. Их наполненные тревогой глаза встретились, глаза жены снова начали наполняться слезами.

– Артём, кто это был?

Муж не ответил на этот вопрос. Да, и зачем? Оба супруга знали, что он не имеет ответа.

– Ник, ты его видел? – повернулся отец на своего сына.

– Нет, не было там никого, кроме этой тупицы и её тупых подруг.

– Сам ты тупица и тупой!

– Ксюша, Никита, прекратите! – остановил мелкую перепалку детей их отец.

Подобное общение кровных брата и сестры не было новинкой в этой семье.

– Так, Ксюша, больше никогда не давай неизвестным людям свой телефон, и не разговаривай с ними, – вкрадчиво проговорил отец, по-прежнему державший за плечи по-прежнему стоящую в коридоре их квартиры дочь, – поняла?

– Поняла, – прошептала девочка и два раза кивнула для большей убедительности, что она усвоила папины наставления.

– Давай телефон, я поставлю его на зарядку. А вы разувайтесь, раздевайтесь и идите с мамой мыть руки, а потом ужинать.

– Но, пап, я вообще-то гулял и собирался продолжить, – запротестовал Никита.

– Нет! Гулянок с нашей семьи на сегодня хватит! – таким строгим сын ещё не видел отца.

Артём не прикрикнул на сына, но железные ноты в голосе явно давали понять Никите, что спорить бесполезно, и на любое сопротивление будут предприняты меры, а, возможно, и физическое вмешательство. Артём взял из ручонки дочери телефон и ушёл в комнату. Включив телефон, Артём, как и предполагалось, обнаружил батарею почти полностью заряженной.

Перед тем как выключить прикроватный светильник, муж сказал жене о заряженной батарее. Супруги решили, что с этих пор будут провожать в школу и встречать оттуда свою дочь.

3

Она сделала пару глубоких затяжек и оценивающим взглядом посмотрела на свою жертву. Она всегда выкуривала сигарету, медленно и аккуратно достав её из пачки, прежде, чем преступить к трапезе. Употреблять пищу сразу после её убийства она считала слишком животным поступком, она должна была изучить убитое тело, впитать в себя всю боль, которую тело чувствовало во время умерщвления. Она прокручивала в голове все свои действия во время убийства, помнила крик... нечеловеческий крик жертвы, её глаза, наполненные страхом и ужасом, содрогание этого тела от ударов острым ножом...

Только потом она могла начать вкушать...

Начинала она всегда с голени. Крепкие, натянутые мышцы ног ей нравились больше всего, кожа на голени тонкая и нежная, поэтому не обязательно её срезать и с отвращением отбрасывать в сторону, достаточно её прокусить. Она всегда начинала прокусывать кожу голени с тех участков, где кровеносные сосуды были ближе всего к коже, чтобы кровь стекала по зубам и губам на шею и ниже по обнажённому телу. Она ела, будучи без одежды, так практичней и приятней, не требуется после трапезы отмывать от одежды кровь, но прежде всего ей нравилось быть ближе к жертве, так их не разделяли куски ткани, которые люди носят, дабы прикрыть своё тело от других таких же прикрывающих своё тело людей. Ей самой приходилось облачаться в одежды, чтобы не выделяться из толпы.

Докурив, она медленно приблизилась к мёртвому телу, нежно обхватила руками голень жертвы и впиалась в неё крепкими и острыми зубами. Кровь стекала по её телу, щекоча струйками шею, грудь и живот, иногда струйка попадала ей в пупок, создавая там алую, вязкую лужицу. От всего происходящего она получала удовольствие, сравнимое с сексуальным. Жёсткие мышцы резались об острые зубы у неё во рту и постепенно превращались в небольшие шарики фарша, которые с потоками слюны попадали в горло, а оттуда катились по пищеводу.

Употребив голень, она закуривала ещё одну сигарету и смотрела на обглоданные кости, торчащие из бедер и упирающиеся в стопу, внимательно изучив которую, она решила полакомиться пальчиками, ногти которых были покрыты красным лаком. Она спокойно, не отводя глаз от маленьких, вырастающих из окровавленной стопы пальцев, взяла со стола пузырёк с жидкостью для снятия лака и комок белой ваты. Тщательно затушив бычок в пепельнице, она принялась стирать лак с ногтей пальцев ног жертвы. Она не любила, когда жертва наносила на ногти лак, он портил всю естественность ногтя. Лаки красного и чёрного цветов её раздражали больше, нежели остальные, и дело было вовсе не в цвете, их стирать было сложнее остальных, но, не смотря на трудность, она продолжала монотонно удалять лак с ногтей жертвы.

Закончив, она встала, поставила баночку с жидкостью для снятия лака обратно на стол и пошла в ванную комнату, где выкинула использованные куски ваты и тщательно с мылом вымыла руки, от которых даже после этого исходил мерзкий запах растворителя, что было ещё одной причиной её нелюбви к лаку для ногтей. Запах забивался ей в нос, тем самым не давая ощутить аромат мертвых, но ещё не начавших испускать запах мертвечины, тканей тела жертвы и крови, начинающей засыхать на её теле. Наполнив небольшой тазик тепловой водой из крана и взяв чистое вафельное полотенце, она вышла из ванной комнаты, подошла к жертве, лежавшей на медицинской кушетке, и принялась отмывать стопы от грязи и растворителя. Закончив все эти действия, она принялась употреблять чистые пальчик ног жертвы. Пальчики всегда были для неё десертом, она начинала их есть только после того, как употребит обе голени, сейчас же ей хватило одной голени, чтобы насытиться. Закончив обглаживать маленькие косточки пальцев, она чуть отстранилась от пищи и оценивающе посмотрела на стопы, одна из которых обрамляла кости полу съеденной ноги.

Она никогда не отрезала перед употреблением части тела жертвы, ей нравилось смотреть, как кости упираются в мышцы и кожу не съеденных участков и снова вырастают с другой стороны этих участков.

Выкурив ещё одну сигарету также медленно, как и предыдущие, она взяла со стола острый тесак и принялась расчленять тело.

Плотно сложив куски тела в контейнеры, она сначала оделась в одежду, которую носила дома, а именно широкие плюшевые штаны и обтягивающий топ, подчеркивающий её упругую грудь третьего размера, а потом перенесла контейнеры в морозильную камеру, где хранила недоеденные тела. Голову она положила отдельно, накрыв её специально приготовленной тряпкой так, чтобы не было видно глаз. Заготовок ей хватало на несколько недель, поэтому никому не нужные одинокие люди могли вздохнуть спокойно, ближайшее время им не грозит возможность быть съеденными успешным адвокатом. Морозильная камера занимала всё помещение подвала, некогда предназначенного для заготовок из овощей и фруктов на зиму. Подвал и теперь служил своему изначальному предназначения, однако содержимое заготовок было несколько отличным от заготовок нормальных жителей мегаполиса.

Замороженное мясо она уже не употребляла сырым, ибо оно теряло всю свою свежесть, поэтому, разморозив кусок из одного из контейнеров, она готовила из него еду на плите или в духовом шкафу. Она очень любила готовить и экспериментировать с блюдами, поэтому что-то подчёркивала из своих любимых телевизионных кулинарных передач, а что-то придумывала сама.

Поднявшись из подвала в дом, и, прежде чем приняться за уборку, она включила телевизор, висевший в углу её кухни. Она нагнулась, чтобы взять с пола таз с грязной водой и плавающей в ней тряпкой и направилась в ванную комнату, чтобы выжать тряпку, а содержимое таза вылить в унитаз. Когда она подняла корпус своего тела, держа в руках таз, по телевизору передавали сюжет новостей, заинтересовавший её так, что она задержалась перед тем, как отнести таз в ванную. Сюжет был о преступнике, которого обвиняли в страшных для нормального общества деяниях.

– Я буду его защищать, – чётко решила она.

Она никогда ещё не выбирала подзащитного сама, даже если заранее знала о его финансовых возможностях и способности сполна оплатить её услуги, однако этот случай она не могла оставить без своего вмешательства. Но прежде, чем действовать, необходимо было смыть кровь с пола и кушетки, поэтому она продолжила свой путь с тазом в ванную, выжала тряпку, выкинула её в пакет для мусора, в котором уже лежала вата, пропитанная жидкостью для снятия лака. Потом она вылила грязную воду в унитаз и нажала кнопку спуска воды. Всполоснула таз в ванне и наполнила его тёплой водой, предварительно налив в него средство для мытья и дезинфекции. Кинув в таз новую половую тряпку, она прошла в комнату, где занялась тщательной уборкой, после которой новая половая тряпка была выброшена в мусорный пакет. Позже она спустится с этим пакетом в подвал, положит в него голову, прикрытую тряпкой, вместе с этой тряпкой, конечно, выйдет во двор к машине, положит пакет в багажник, чтобы уехать загород и сжечь мусорный пакет с содержимым в безлюдном месте.

И только после этого действия по приезду домой она включит свой ноутбук, зайдёт в Интернет, узнает имя преступника, чтобы уже завтра найти его контакты через соответствующие инстанции для связи с преступником, дабы оказать ему юридическую помощь, если понадобится, то и бесплатную, благо её финансовое положение позволяло не брать плату за это дело. К тому же в ближайшем будущем она получит аванс от матери двадцатилетнего парня, проходящего по 111 статье.

4

– Паааап! По телевизору того дядю показывают! – прокричала Ксюша из комнаты, маленьким пальцем указав на экран телевизора.

Это было в обычное воскресное утро. Никита ещё спал, а супруги на кухне дружно готовили завтрак. Совместное приготовление завтрака по воскресеньям не было временем, проводимым с нежностью и взаимной заботой, это было что-то вроде привычной традиции, которую Артём и Юлия за период долгой совместной жизни ещё не нарушили. Процесс приготовления пищи по утрам в воскресенье был отлаженным. Неловкие столкновения в тесном помещении давно перестали иметь место, ибо передвижения по кухне отточены временем. По разным причинам супруги не нарушали данную традицию уже много лет: она потому, что находила такое времяпровождение достаточно милым и еженедельно сближающим их как пару, оно будто возвращало их, по мнению Юлии, в те времена, когда они не могли друг от друга оторваться и проводили вместе каждую свободную для этого минуту, при этом совместное приготовление завтрака было с налётом всех лет, прожитых вместе, весь процесс говорил будто «мы давно вместе, но мы всё ещё можем беззаботно и с беспредельным пониманием, полученным за годы жизни, продолжать с любовью, проверенной годами, готовить завтрак вместе утром, что делает нашу жизнь ещё счастливей»; он потому, что не хотел нарушать по каким-то причинам необходимую традицию, тем более она – традиция, не была уж такой неприятной, всё-таки Артём испытывал крепкие и нежные чувства к своей спутнице жизни.

Телевизор в комнате, где Ксюша играла со своей куклой, работал без звука, и маленькая Ксения не могла услышать, что говорят о том мужчине, который пару дней назад на детской площадке попросил у неё телефон.

– О каком дяде ты говоришь, милая? – крикнул отец из кухни, автоматически передавая нож своей супруге.

– Ну, тот, который телефон на площадке у меня просил!

– Включи звук! – крикнул Артём, ринувшись в комнату, при этом нарушив всю идиллию и налаженность процесса приготовления завтрака.

Реакция Юлии была менее быстрой, потому нарушение налаженного процесса приготовления завтрака с её стороны произошло на пару секунд позже.

А Ксюша тем временем судорожно искала пульт от телевизора, быстро передвигаясь по комнате. Когда родители через несколько секунд после того, как попросили включить звук, забежали в комнату, сюжет новостей сменился на другой, и они так и не успели увидеть лицо мужчины, который намеренно, а в этом они были уверены, выключил телефон их маленькой дочери, так и не успели услышать о причинах, по которым этот неизвестный мужчина стал героем сюжета новостей по центральному каналу.

Артём, быстро нашедший пульт под подушкой на диване, включил звук телевизора, но это никоим образом не помогло в понимании происходящего в предыдущем сюжете.

– Милая, что показывали, кроме того дяди ещё?

Артём присел рядом с дочерью на диван, на который запрыгнула Ксюша, как только папа нашёл пульт. Отец пытался зацепиться хотя бы за что-нибудь, что могла рассказать его дочь.

– Ничего... Сначала говорила тётя, ну, ведущая, а того дядю показывали в маленьком квадратике в углу экрана, а потом квадратик увеличился и занял весь экран.

– И просто показывали лицо этого мужчины? Ничего больше?

– Да. Но он был очень грустный, не такой, когда ко мне подходил на площадке тогда, – проговорила Ксюша голосом виноватого и оправдывающегося ребёнка, – показывали только лицо, поэтому не было видно, какой он высокий, но всё равно я его узнала.

– Думаю, о нём рассказывали что-то хорошее, – погладил отец дочь по голове, и встал с дивана, уходя на кухню и уводя с собой жену, – Ксюша, дорогая, переключи на мультики.

Зайдя на кухню, Юля перестала сдерживать эмоции:

– Ты понимаешь, что этот мужчина, – начала шепотом кричать она, указывая пальцем в комнату, где стоял телевизор, будто этот мужчина сейчас находился в этой комнате, – преступник! И одному богу известно, что он хотел сделать с нашей дочерью!

– Думаю, дорогая, это известно не только Богу, но и работникам СМИ, а, следовательно, и доброй половине нашей страны. Надо посмотреть в Интернете этот выпуск новостей, чтобы узнать, что мог этот урод сделать с нашей дочерью.

– Надо узнать, на свободе ли он... Если он разгуливает по улицам нашего города, он доберётся до нашей дочери!

– Милая, не паникуй, думаю, он затаился, если его ещё не поймали, – пытался успокоить свою жену муж.

– Артём! Ты понимаешь, что наша Ксюша его видела?! – крик Юлии переставал быть шепотом.

– Тише, дорогая, ты испугаешь дочь.

– Мааа, ты меня звала? – крикнула девочка, увлечённая советским мультфильмом, из комнаты.

– Нет, милая, всё хорошо, – также громко ответила вопрошающей дочери её мать, а потом снизив громкость своего голоса, продолжила разговор с мужем, – ты понимаешь, Артём, что Ксюша, наша Ксюша, его видела, – повторила жена супругу только с большей паникой в голосе.

– Так, Юля, – Артём взял жену за плечи и заглянул в её голубые глаза, – я сейчас посмотрю в Интернете эфир прошедшего выпуска новостей, всё узнаю, поэтому давай не будем паниковать раньше времени.

Юлия покорно кивнула головой.

– Милая, мы ведь даже не знаем, преступник ли он, это только наше предположение.

Юлия снова покорная кивнула головой.

Однако оба супруга понимали, что мужчина, выключивший несколько дней назад телефон их дочери, преступник. Опасный преступник, вероятно разгуливающий на свободе, возможно даже разыскивающий их дочь, которая, а вернее родители которой, ибо она далеко не совершеннолетняя, могут дать следствию, развернувшемуся в таком масштабе, что это даже транслируют по новостям на центральном канале, показания совсем не положительно влияющие на его громкое дело.

– О, Господи! Что он хотел сделать с нашей дочерью! – с ужасом возмущалась Юлия после того, как супруг, узнав информацию о преступнике, передал её жене.

Юлия, конечно, говорила шепотом, дабы не разбудить дочь, которую только уложили спать, завтра вставать рано и идти в школу. В их спальню вошёл Никита, что было редкостью, так как он не особо любил общество своих родителей.

– Никита? – с удивлением обратился к нему отец.

– Мелкая мне сказала, что мужика, который телефон у неё просил, по ящику показывали.

– А, да, – с напускной небрежностью прокомментировал слова сына Артём, – наверное, какой-то общественный деятель.

– Общественный деятель, который просит телефон у маленькой девочки, выключает его и уходит?! Да, ладно, мам, пап, не заливайте. Мне не 7 лет, как Ксюше.

– Откуда ты знаешь про телефон? – спросил Артём.

– Я видел, как вы его накануне происшедшего заряжали.

Супруги переглянулись, удивляясь наблюдательности их стремительно взрослеющего сына, которого, по их мнению, дома ничего, кроме видеоигр и еды, не интересует.

– Так что давайте, выкладывайте, что на этого урода накопили.

5

В понедельник она, как всегда, проснулась в 7 часов утра, чтобы к 9-ти прибыть на работу. Будильник зазвучал медленной и спокойной мелодией, дающий ей понять, что уже пора начинать сборы к работе. Она открыла глаза, осмотрев комнату на предмет чего-то подозрительного и необычного в ней. Она всегда осматривалась, прежде, чем встать, ведь с её образом жизни в её квартиру могли незаметно проникнуть сотрудники правоохранительных органов для обыска и ареста её персоны. Конечно, она всегда действовала осторожно и тщательно заметала следы, жертв она всегда выбирала одиноких, которых длительное время не возьмутся искать даже коллеги и сотрудники с работы, преподаватели и одногруппники из учебных заведений. Она долго отслеживала свою жертву и, если убеждалась, что та ответственный сотрудник, студент, семьянин и тому подобное, которую или которого в скором времени после исчезновения начнут искать, оставляла данную слежку и пускалась на поиски другого более подходящего на роль её жертвы человека. Найдя жертву, она продолжала за ней следить до наступления подходящего момента для убийства и поглощения в пищу. Поиск жертвы мог занимать у неё месяцы, поэтому она всегда делала запасы, ибо обычная пища не удовлетворяла её голода так, как плоть человека.

Она понимала, что вероятность того, что именно её молодой и прекрасный организм требует подобной пищи, мала, понимала, что пожирать мышцы, тонкую кожу и другие части человека, заставляет её не потребность организма, а психические отклонения, возникшие ещё, видимо, в детстве. Хотя, заглядывая в свое беззаботное детство, она не могла найти в нём причин, по которым из послушной девочки из богатой и приличной семьи юристов выросла жестокая и безжалостная девушка-каннибал. Из лекций по психологии, которые она посещала в вузе, будучи студенткой юридического факультета, она усвоила, что многие проблемы взрослых имеют прямое отношение к событиям детства, каким-либо образом влияющих на формирование личности со всеми её комплексами, отклонениями от нормы, хотя что вообще можно считать нормой в данном контексте. И при всём этом её отклонениями, а здесь нет сомнений, что поедание людской плоти – это не норма, не были психологическими проблемами, а скорее заболеванием психическим, или физиологическим недугом, если считать, что именно её организм требует такой пищи для насыщения всех клеток одного нужными элементами периодической системы Менделеева.

Тщательно покопавшись в своём детстве, она так и не нашла причин её каннибализма, поэтому перестала задумываться о происхождении неистового желания поедать плоть человека, тем более она понимала, что, даже найдя причины этого желания, она не сможет обратиться к профессионалам за помощью, ибо эту так называемую помощь будут оказывать ей не врачи, а сотрудники правоохранительных органов власти, посадив её за решётку за убийства множества людей, может быть, ей даже на судебные заседания, проходящие с большим количеством репортёров телевизионных каналов и газет, будут надевать намордник для пушного антуража. Отсутствие желания попасть за решётку из-за необходимости питаться ненормальной для обычного человека пищей заставляло её быть очень осторожной. По этой причине помимо тщательного поиска подходящей жертвы, она не заводила случайных знакомств, не сближалась с коллегами, не общалась с людьми из школы и вуза, практически не общалась с родственниками, ограничиваясь такими мероприятиями, как свадьбы, дни рождения и похороны, и телефонными разговорами с родителями.

Осмотрев комнату, она встала с кровати, надела тапочки, стоявшие возле кровати, подошла к двери и включила свет, после чего снова осмотрела уже светлую комнату.

Собиралась на работу она также, как и ела, по отлаженной схеме. Заправив, кровать она шла в ванную, тщательно чистила зубы, умывалась, после чего шла на кухню и ставила на плиту

чайник, чтобы разогреть воду для утреннего кофе к завтраку. Пока вода в чайнике закипала, она, чтобы не тратить время зря, начинала наносить макияж.

Завтракала она привычной для нормальных людей пищей – это могли быть пара бутербродов с сыром и колбасой, яичница из пары яиц или что-то в этом роде. Поев, она мыла после себя посуду, хотя это было и не обязательно, никто ведь не мог увидеть, что один из сильнейших адвокатов города оставляет мытьё посуды на вечер, хотя это и не самое страшное, что могли бы узнать жители города и всей страны об этой, казалось бы, безупречной женщине.

После мытья посуды она смывала с рук жидким мылом жир от посуды и средство для мытья оной. Потом уходила в комнату и надевала строгую, подготовленную с вечера одежду – обычно это была чёрная юбка длиной на ладонь ниже колена и светлая блуза. Натянув на стройные близкие к идеалу ноги колготки телесного цвета, она надела юбку, а потом и светло-коралловую блузу, фасон которой подчеркивал её упругую грудь, облачённую ранее в светло-коралловый бюстгальтер. Посмотрев в зеркало на двери шкафа, позволяющее оценить свою внешность в полный рост, она осталась удовлетворённой.

Выйдя из чёрного входа своего в своей мере уютного дома, она зашла в гараж, открыв его ключом из связки, села в свой Форд и завела мотор, дабы его прогреть. Пока прогревался мотор, она открыла бардачок, достала из него губку, покоящуюся на документах на транспортное средство, аккуратно сложенных в файл, и протёрла панель, после чего положила губку обратно на всё также аккуратно сложенные документы.

Как только она зашла в офис, адвокаты коллегии, успевшие ранее неё добраться до работы, все посмотрели на неё одинаковым завистливым взглядом с примесью ненависти и уважения. Коллеги-адвокаты уважали её за заслуженное звание одного из лучших юристов города и уж точно лучшего юриста их коллегии, по этим же причинами коллеги ей завидовали и недолюбливали. Ещё её не любили, так как боялись, никто не знал, что от неё можно ожидать, она же отгородилась от окружающих высокой стеной, в фундамент которой было заложено нежелание сближаться с коллегами по вполне объяснимым с её образом жизни причинам.

– Доброе утро, коллеги, – строгим голосом сказала она, давая понять, что диалог с ней будет ограничен вежливыми приветствиями.

– Доброе.

– Здравствуйте, Ирина.

Ответили присутствующие.

Первой поздоровалась Марина – болтливая начинающая адвокат. Марина совсем недавно закончила престижный вуз города по специальности юриспруденция. Несмотря на отсутствие практического опыта в адвокатуре, Марина была принята в одну из сильнейших коллегий адвокатов в городе, и дело было не в глубоких познаниях Марины, а они действительно были глубокие, Марина имела заслуженно заработанный красный диплом магистра, не в её амбициозности и поразительных способностях к обучению, дело было в том, что один из учредителей коллегии был её отцом, уговорившим остальных учредителей сделать свою перспективную дочь членом коллегии. Будучи в своём юном для успешного адвоката возрасте, а Марине было 23 года, она уже успела выиграть достаточно сложное для её уровня дело, проводимое по гражданскому кодексу. Ведя это дело, Марина проявила себя одновременно и как беспристрастный юрист, относящийся к работе с холодным расчётом и желанием заработать круглую сумму, и как сопереживающий, добродушный помощник обманутых людей, у которых невесть откуда взявшиеся родственники пытались отобрать наследство, доставшееся от недавно умершей бабушки.

Вторым поздоровался Валерий Иванович Корсунский – опытный адвокат, стоящий у истоков становления коллегии в мире юриспруденции и судебных разбирательств. Валерий Иванович основал коллегию вместе с отцом Марины Игорем Андреевичем. Валерий Иванович

имел жену и недавно ставшую совершеннолетней дочь. Корсунский прожил со своей женой Антониной 20 лет, женившись на ней в 25. Все годы в браке Антонина поддерживала мужа во всех начинаниях, разделяла радости и помогала в сложные в его карьере периоды, в общем выполняла клятву, данную супругу в день бракосочетания при свидетелях, которыми были работник ЗАГСа и приглашенные гости. Валерий Иванович был благодарен своей жене за её понимание, пронесённое сквозь годы совместного пути, а также уют, который Антонина создавала в каждой из квартир, чьи стены занимала их крепкая, казалось бы, семья, и, несмотря на всю благодарность, Валерий Иванович не гнушался изменами с молодыми женщинами, внимания которых было предостаточно, ибо он был пусть не молодым, но очень привлекательным мужчиной, к тому же успешным, а значит обеспеченным, юристом.

– Ирина Олеговна, мы с Валерием Ивановичем решили выпить кофе с печеньем, я сама пекла. Будите с нами? – поведение коллеги, видимо, не дало понять Марине, что она не расположена к беседам за завтраком на работе, да и к самому завтраку тоже.

– Спасибо, Марина, за предложение, но я пришла работать сюда, прошу вас дать мне возможность заняться этим, – строго ответила она.

Когда коллеги-юристы вышли из кабинета в комнату приёма пищи, дабы откусать печенья и запить его крепким кофе, она включила рабочий компьютер и, пока тот включался, начала протирать рабочий стол и компьютер спиртовыми салфетками от пыли, осевшей за выходные.

В первую очередь она связалась с нужными людьми, чтобы предложить преступнику, которого решила защищать, увидев о нём репортаж в вечерних новостях, свою юридическую помощь. Судя по одежде, которая была на преступнике на фото, транслируемое по центральному каналу, он не был обеспеченным человеком, а значит не имел возможности оплатить хорошего адвоката, поэтому она предложит преступнику свои услуги за цену, устраивающую его.

Преступника звали Антон Черкасов, полных лет – 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.